

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Конец левой и правой идеи в современном мире	9
Обыватель и миф о «прогессе».	30
Почему бессмысленно проектирование идеального общества?	52
Евразийство и Атлантизм.	74
Тупиковость имперской идеи в современном мире	94
Невозможность возврата в сталинизм	114
Различие «государства» и «политического общества»	138
Почему важна территория, а не народ.	160
Новый интернационализм без «левых» и «правых».	180
Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли «гегемона».	202

Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли «гегемона» (продолжение)	223
Возможна ли свобода?	242
Возможна ли свобода (продолжение)	266
Нечеловеческий фактор.	286
Человеческий фактор	307
Человек как «часы Вселенной»	326
Гипнотическая мощь реальности.	346
Обожение как универсальная цель глиняного человека	368
Боль и общество	389
Верность и предательство	408
Общение и мышление: взаимно исключающие функции	427
Что такое традиционализм?	453
Социальная основа традиционализма	471
Столпы традиционализма.	490

ПРЕДИСЛОВИЕ

В содержание этой книги вошли стенограммы всех телевизионных передач с названием «Разговоры с Джемалем», выходявшие на «Радио-медиаметрикс». Выпуски вёл журналист канала Олег Дружинский. Их начали записывать в январе 2016 года и закончили в октябре. Каждую неделю Гейдар Джемаль выходил в эфир, чтобы в той или иной степени раскрыть тему, которую он сам определял для программы. К сожалению, в связи с ухудшением здоровья Гейдара Джемалья передачи прервались. В начале октября была записана последняя («Столпы традиционализма»). Она должна была иметь продолжение, но вследствие продолжительной болезни, спустя два месяца (в декабре 2016 года) Гейдар Джемаль умер.

Как-то Гейдар Джемаль выразил мысль (я был свидетелем), что такой формат и подход для написания книги ему нравится. Книгу начали составлять ещё при жизни автора, а в 2017 году издательство «Питер» выпустило ее под названием «Разговоры с Джемалем». Так получилось, что в ней отсутствовал ряд тем, поэтому было решено снова поднять весь первичный видеоматериал, переработать его и объединить для переиздания. Была проведена большая работа по восстановлению того видеоматериала, который имеется на «Радио-медиаметрикс», так как некоторые передачи имели технические сбои в звуке.

Джемаль был мыслителем невыразимого уровня. Сам он не жил, он горел идеей, точно подтверждая высказывание классика, что «есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные избежат первую, мужественные и щедрые — вторую».

Гейдар Джахидович не был типичным пожирателем книг и знаний, он прикладывал свой ум в практической деятельности, участвовал в политике, причём в нонконформистской, острой, опасной. Делал и говорил то, о чём некоторые и помыслить-то боялись. Оттого его мысль имеет живое начало, свою перспективу в реализации.

Он сам говорил, что интерес к его идеям будет только расти. И мы наблюдаем это. Пусть эта книга станет ещё одним вкладом в интеллектуальную повесть и раскроет всю величину личности Джемалья, который актуален всегда. Мыслить — значит быть!

Динмухамед Муржакып

КОНЕЦ ЛЕВОЙ И ПРАВОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

20.01.2016

Комментарий Джемалю к постановке вопроса¹:

Самое отвратительное в политическом размежевании подобного рода — это его амбивалентность. В принципе, так называемый «левый пакет» на 90% состоит из правых тезисов, просто распределённых под другим брендом. Что же касается самого крайне правого — так, извините, стержнем этого идеологического «мракобесия» (с точки зрения левых либералов) оказывается... «социализм»! То есть крайне правый всё равно танцует от сверхзадачи идеально упорядочить общество, «починить», в конце концов, этот чёртов «двигатель внутреннего сгорания», чтобы он зажёвывал людей с максимальной эффективностью. Чистая левизна.

После конца советского социализма в мире бывшие коммунисты и особенно социал-демократы пошли прислуживать победителям в холодной войне. Брюссельская бюрократия, рулящая конструкцией НАТО, переполнена бывшими леваками (некоторые из них даже не считают себя бывшими).

¹ Все «Комментарии» написаны Джемалем после бесед — перед подготовкой книги к изданию. Некоторые беседы не содержат Комментария.

Политический ислам справедливо издевается над этим цирком, над этими игрищами многопартийной демократии. **Политический ислам ориентирован на рассмотрение «юдоли человеческой» в контексте сверхчеловеческой вертикали.** При таком подходе выписывать себе «справку» о своей «левизне» или «правизне» — это означает предстать перед историей в статусе безнадёжного идиота.

Для правых и левых есть шанс при условии, что они несут в себе заряд пассионарности. В конечном счёте именно воля к борьбе и победе, любовь к смерти сведёт воедино богатырей протеста, которые уже сейчас, как всадники Апокалипсиса, маячат на горизонте.

- *Сегодняшняя тема, которую предложил Джемаль, звучит так: «Конец левой и правой идеи в современном мире». Давайте попробуем сначала разобраться, что такое «левая» и «правая» идея и почему они должны умереть...*

Я бы хотел предварить так. Оттого что мы это обсудим, сегодняшние «левые» и «правые», которые эксплуатируют свои бренды, не перестанут таковыми быть. Они и дальше, я думаю, будут цепляться за эти отработанные уже ярлыки. Тем более что тут есть достаточно широкое разнообразие, потому что «левых», я думаю, даже не пятьдесят оттенков красного, а сто пятьдесят, может быть.

- *Левыми мы считаем коммунистов, социалистов и всё такое прочее?*

Нюансов очень много. Допустим, человек считает, что налоги должны быть повышены на богатых, — и он уже где-то даже радикал. Есть троцкисты — троцкистов несколько групп совершенно разных: есть пост-троцкисты и так далее. Есть международные сталинисты — даже сегодня. Этот большой спектр позволяет маневрировать в такой разнообразии и скрывать суть дела. Конечно, разнообразия у правых гораздо меньше, и идеологическая база более оформленная и более бедная на разные претензии на научность, на историю и так далее.

И надо всё это свести к какой-то парадигме — «левой» и «правой».

Моя точка зрения: левые изначально начинали борьбу против Традиции¹, против иерархии. Откуда взялись левые? Левые — это якобинцы, которые сидели в Национальном собрании Франции, Конвенте. Справа сидели сторонники конституционной монархии, в середине — «Болото», «Жиронда», слева сидели якобинцы. Якобинцы — они, естественно, республиканцы, то есть они были последовательно против иерархии, против церкви. Но не против религии вообще (как известно, Робеспьер был верующий человек; потом они

¹ Здесь и далее по всей книге под «Традицией» с заглавной буквы имеется в виду сакральное философско-религиозное учение, критикующее современный мир и выявляющее во всех культурах и религиях логику единой интегральной Традиции, некогда существовавшей, но утраченной. Не путать с «традицией» в «антропологическом» смысле — системой норм, представлений, правил, образцов и навыков, которые передаются из поколения в поколение и выступают одним из регуляторов общественных отношений. В этом контексте это слово тоже встречается у Джемалы. *(Все комментарии — от редактора.)*

всё заменили культом Великого Существа), — они были против истеблишмента. Потом это всё стало развиваться, диверсифицироваться, всюду оставалась главная линия — против иерархии, против символизма, против трансцендентной нагрузки смыслом, против того, что одни выше других по каким-то сверхчеловеческим причинам — по праву рождения, например, и тому подобное. Далее уже по тому, что кому удалось урвать, — потом это всё стало сводиться на уровень неравенства потребления. То есть когда якобы «добили» (на взгляд обывателя) иерархии религиозного плана, стали уже бороться с иерархиями социально-экономическими...

■ *Левые были за социальную справедливость («Всё отнять и поделить»)?*

Левые были за равенство в потреблении — относительно.

Правые были сначала за сохранение традиций: власть, государство, божественное право и так далее. Но по мере эволюции общества они хватались за то, что возникало. В итоге сегодняшний средний правый отстаивает результаты, получившиеся в итоге двухсот лет наступления левых.

■ *То есть, по сути, сегодняшний правый — обычный либерал («свободный рынок» и всё такое)?*

Да, обычный правый сегодня — либерал, и обычный правый сегодня стоит на защите той платформы, которая лет 100–150 назад была «нормальная», средняя платформа левых. Левые победили в глобальном метафизическом смысле.

Оказалось, что мир, который они получили в итоге, — это не только мир несправедливый, а он стал гораздо хуже, гораздо несправедливее. После того как исчезла иерархия и возник такой либеральный мир, в котором нет символизма, в котором церковь утратила свои особые высшие функции, монархия стала декоративной, дворянство стало присваиваться как-то футболистам и так далее, — в этом мире несколько десятков человек сосредоточили в своих руках столько богатств, сколько имеет 3,5 миллиарда, беднейшая часть населения. Что было немыслимо раньше, когда мир был якобы несправедлив.

Теперь у левых есть новый фронт — по крайней мере демагогии: «неравенство собственности, неравенство потребления». Они объясняют это тем, что (конечно, это очень смешно, но тем не менее) налоги не так берутся: вот потому 60 человек собрало в своих руках триллионы долларов, что, оказывается, налоги не так берутся. С другой стороны, есть правые, которые отстаивают статус-кво, — именно тот статус-кво, которого добились левые. Левые добились его — правые теперь отстаивают. Но у левых больше манёвра, конечно, потому что они могут себя показать, им есть с чем бороться ещё, а правые как бы защищают. Но им показывают, что мир-то ужасен и его очень сложно защищать. Поэтому у обычных правых очень дискомфортная ситуация.

- *Может быть именно поэтому в российский парламент не проходят правые фракции последние 10–15 лет? Как только собирается какая-то группа людей под видом правой платформы («Союз правых*

сил» и так далее) — они все, что называется, «пролетают»...

Здесь конкретная политика, она не дотягивает до тех высоких мотиваций, которые мы пытаемся сейчас обсудить. На мой взгляд, правых не пускают в парламент и политику потому, что их проход в Думу сразу же обострил бы социальный вопрос. Пришли бы правые силы, и мгновенно классовая борьба вышла бы из закрытого состояния на поверхность, и тогда можно было бы уже говорить о прямой конфронтации. И чтобы не было прямой конфронтации с защитниками олигархического капитала, им не дают проводить свои группы в публичную политику (под ковёр заметают). Это, мне кажется, элементарный, очевидный политический момент.

■ *Левые и правые идеи дискредитировали себя: справедливости не будет, борьба за справедливость приводит к появлению олигархов?*

Со справедливостью есть одна очень любопытная вещь.

Что является справедливостью с точки зрения левых? Они же изначально борются с Традицией, с символизмом, борются с религиозной сверхчеловеческой «нагруженностью» общества. Но общество живёт не для того, чтобы жить, есть, производить, ещё больше есть, ещё больше производить, а у общества есть некие сверхзадачи, у истории есть смысл, есть Бог, есть в конце Страшный Суд, воскресение из мёртвых, — все эти моменты левым были ненавистны, левые их изымали, они боролись с этим как с «бреднями», «по-

повскими сказками», объясняли, что «производительные силы действуют на производственные отношения», потом действуют на мозги, которые так или иначе всё понимают...

Но есть и другой подход, согласно которому справедливость — это не разделение потребления благ, а **справедливость — это наличие смысла**. Мириады людей проходят бесследно по земле, — и справедливо ли то, что они исчезли в этом потоке песка, который несётся ветром через пустыню времени и бытия? Нет, несправедливо. С точки зрения религии это высшая несправедливость. Жизнь становится абсурдом. Левые считают, что это норма. Но когда они добиваются своего и строят общество, которое представляется им более или менее адекватным, то есть «социобытие», в котором исключена всякая объективная онтология (все становится социальным), то мы погружаемся в абсурд, в бессмыслицу. **Левые убивают смысл. Они добиваются того, что общество, в котором мы живём, — это общество, которое живёт, чтобы жить.** Оно ничем не отличается от садка кроликов, по большому счёту.

И правые в действительности защищают именно эту сторону. Но есть крайне правые, которые говорят, что то, что уничтожено, — это было ценностью, было смыслом (именно иерархия, символизм, Традиция). Они идут в блок, который называется «консервативные революционеры». Они хотят совершить некую контрреволюцию и восстановить иерархию, смыслы, неравенство и так далее в пользу тех старых слоёв, которые когда-то держали «контрольный пакет акций».

■ *То есть они поменялись местами?*

Да. Крайне правые — они как бы «протестные». Понятно, что по большому-то счёту хрен редьки не слаще, потому что то общество, которое деградировало через усилие левых сегодня до «социобытия», в котором нет смысла, — оно отправлялось от той начальной позиции, к которой его хотели бы вернуть эти консервативные революционеры.

Зло не в нынешнем состоянии общества, **зло в социуме как таковом**. Есть нечто в социуме, что является неизбывным античеловеческим элементом, который может проявляться как в господстве феодала над крепостным, так и в бессмыслице социального бытия в какой-нибудь Швеции, где господствуют социал-демократы и где при огромном потреблении самый высокий уровень самоубийств. И там и там — зло.

Так вот, в чём состоит моя идея? Моя идея состоит в том, что ни левые, ни правые сегодня не кладут палец на нервный узел этого зла, они не обсуждают это зло, для них всё является само собой разумеющимся (как жизнь не задаёт вопросов, не требует вопроса к себе). А ведь надо поставить вопрос о сущности этого зла, и если уж тогда говорить о протесте, — он должен быть не левый, не правый, а совершенно новый.

■ *Какой?*

Я думаю, что скорее всего это должен быть **«теологический»** протест.

■ *То есть верующие против безбожников?*

Это не так просто. Скажем, тот же Маркс с восторгом говорил, что наконец-то сброшены религиозные одежды с социальной борьбы, что раньше люди облекали свои проблемы, конфликты в религиозные одежды, потому что у них все стояло на голове, а не на ногах, а марксизм всё переворачивает на ноги, и речь идёт о производственных отношениях, — что-то в этом духе. Но оказалось, что всего марксизма с его научным социализмом хватило на 150 лет пудрения мозгов. Это короткоживущая модель.

А, допустим, тема катаров, анабаптистов, гуситов, то есть тема религиозной справедливости и религиозного вызова мировому порядку, никуда не ушла. Она была отложена в пользу научного социализма, в пользу народников, эсеров, которые читали Бокля¹, всяких атеистов, потом «Капитал» и так далее. Но сегодня с этим «Капиталом» некуда идти.

■ *То есть скорее должна быть религиозная справедливость или справедливость, основанная на неких религиозных постулатах?*

Потому что о смысле жизни говорит только теология.

■ *И философия...*

И философия. Но дело в том, что философия может быть антифилософией. Вот **марксизм — это**

¹ Генри Томас Бокль (1821–1862) — английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» («History of Civilization in England»).

антифилософия. Гегель — великий мыслитель, который придал современный вид платоническому дискурсу, Платон XIX века. Потом приходит Маркс, который ничтоже сумняшеся ставит Гегеля, как он выразился, с головы на ноги. А в действительности он просто его разрушает и приводит в некий маразм.

■ *Действительно, в XX веке на все те вопросы, которые стояли перед человечеством, люди получили ответы в виде сталинского коммунизма, фашизма и другого. Эти ответы общество не устроили, поскольку они несли в себе негативный опыт. Вопросы были, как вообще дальше жить всему социуму. Ответов нет, и теперь наступает XXI век, когда снова потребуются эти ответы. Должно ли быть всё по справедливости? Да, действительно, Маркс написал большую спорную экономическую книгу, из которой можно было сделать один вывод: грабь награбленное. И по этому пути пошло народонаселение многих стран...*

Давайте тоже не будем упрощать: не «грабь награбленное», а обобществление средств производства для того, чтобы этим производством завалить массы, которые должны были обожраться, и в результате у них должны были проснуться такие «творческие энергии», что эти средства производства и производительные силы от изобилия этого потребления вырастали ещё многократно до тех пор, пока (тут уже начинается некий космизм) человечество не выходит в ноосферу, не начинает управлять таким куском космической энергии, что меняет физические законы. И дальше бифуркация: одни говорят «бред, и все — ради колбасы», другие говорят «нет, всё для того, чтобы остано-